

Алька. Технилице
Алек Рейн

18+

Алек Рейн
Алька. Технилище

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Рейн А. В.

Алька. Технилице / А. В. Рейн — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Четвёртая глава книги воспоминаний, в которой описываются события, происходящие с героем повествования на протяжении шести лет. Рождение ребёнка в молодой семье, работа, учёба в институте, забавные ситуации и жизненные трудности, характерные для любой молодой семьи, дают представление о жизни в стране под названием СССР в те годы.

Утром, где-то без десяти минут девять, я появился в помещении отдела обработки давлением Всесоюзного проектно-технологического института Министерства тяжёлого машиностроения. Основное здание института находилось на проспекте Мира, но отдел, в который я перевёлся, находился на территории завода «Металлист» и, что забавно, в помещении, в котором когда-то располагался экспериментальный цех, тот самый цех, где пять с небольшим лет назад я начал трудиться учеником слесаря.

И возвращается ветер на круги своя.

На работе я появился в костюме-тройке коричневого цвета с тонкой полоской из ткани «Ударник», начальник отдела, знакомя меня с моим руководителем, погладил пиджак, одобрительно хмыкнул и сказал:

– Смотри, Леонид Ильич, какой у тебя новый сотрудник, даже костюм свой лучший надел на работу.

Костюм мой определённо был лучший в отделе, но у меня был и поинтересней – мой свадебный. Мне определили рабочее место, Леонид Ильич Берлинер расспросил, где я работал, чем занимался, что знаю и умею. Я объяснил, что знаний никаких у меня нет, немного умею читать чертежи, однако по ходу беседы выяснилось, что штампы для холодно-листовой штамповки, точнее, один штамп, я видел – на первом году моей слесарной карьеры, Василий Макарыч – мой наставник в профессии слесаря – привёл меня в небольшой штамповочный участок, усадил за кривошипный пресс, где я и просидел пару дней, штампуя пластины трансформатора. Не скажу, что я как-то внимательно разглядывал штамп, с помощью которого я изготовлял эти пластины, но общее представление о том, как он функционирует, у меня составилось.

Ильич показал мне несколько чертежей штампов, мы разобрали с ним, как они работают, и сказал:

– Ну что ж, Алек, давай попробуем что-нибудь спроектировать, – выдал мне чертёж простенькой детали, объяснил, что вырубать её будут из полосы определённого размера, и я приступил к проектированию. За пару дней, подглядывая в чертежи вырубных штампов, которые Берлинер дал мне для образца, я нарисовал устройство, в котором, по моему пониманию, можно было бы изготовить нужную деталь. Для возврата своего устройства в исходное положение после каждого хода пресса я снабдил его двумя здоровенными пружинами, которые надел на направляющие колонки. Ввиду отсутствия навыков машиностроительного черчения пружинки получились у меня не очень и напоминали скорее проволочные спирали, вытасченные из пружинного матраса, своим видом, они явно веселили проходящих мимо моего кульмана пацанов, работающих в отделе.

Пригласил Берлинера, он, посмотрев на мой чертёж, отметил:

– Пружинки тебе не удалось, а зачем ты их присобачил?

– А я иначе не сообразил, как вернуть штамп в исходное положение.

Ильич разъяснил, что верхняя плита штампа крепится к ползуну пресса, совершающего возвратно-поступательные движения, и дополнительных устройств для возврата его в исходное положение не нужно. Сел на стул, внимательно рассмотрел, что я напроектовал, и сказал:

– Ну что ж, коль ты так скоро стал проектировать, давай сразу начнём с реальной детали.

И начал я потихоньку вникать в конструирование технологической оснастки. Всё оказалось и проще, и сложнее, чем я себе представлял. Практически все знания, которые нужны для разработки технологических процессов штамповки конкретной детали и проектирования конструкций технологической оснастки, для реализации этих технологий уже существовали и были изложены в десятках справочников и отраслевых руководящих технических материалов (РТМ). Казалось бы, чего проще – бери справочник или РТМ, ищи нужные тебе сведения и проектируй, да только надо знать, что искать, нужны специальные знания, которые приобретаются или в процессе обучения, или в процессе долгой работы в данной области – работы под руководством знающего специалиста.

По этой дорожке я и потопал, потопал с удовольствием, работа эта мне понравилась, в ней был творческий потенциал – все детали различны, поэтому различны способы их изготовления и, как следствие, различен инструмент, то есть конструктору каждый раз приходится находить новое решение, а поскольку у нас конструктор оснастки сам, как правило, разрабатывал технологический процесс штамповки, надо было включать мозги.

К нам на проектирование оснастки и разработку технологий попадали преимущественно детали сложных форм, заводчанам некогда было с ними возиться, да и специалисты высокого уровня у них были наперечёт.

Впоследствии, работая инженером или в профессиях, близких к инженерной деятельности, я понял, что инженер – это абсолютно творческая профессия, бывают и в ней периоды, когда приходится заниматься рутинной, но разве это не происходит с артистами или музыкантами? Но наслаждение, которое ты испытываешь, когда находишь верное инженерное решение, создаёшь удачную конструкцию, правильный техпроцесс, сродни тому, которое музыкант испытывает от блестяще сыгранной музыкальной пьесы, или когда к поэту приходит удачная рифма.

Через пару дней я понял, что работать за кульманом в костюме не очень комфортно, и стал ходить на работу в свитере, как большинство молодых парней, работающих в отделе. Две недели я корпел за кульманом, не обращая внимания на происходящее вокруг, но в какой-то момент понял, что поведение моё может показаться странным – пора познакомиться с коллегами. Я подошёл к ребятам примерно моего возраста, о чём-то негромко беседующим в соседнем проходе между рядами кульманов, сказал:

- Мужики, меня Алек зовут, давайте знакомиться.
- Здорово, Алек, я Вовка.
- Я Юра, вот и познакомились.

Рассказал, что работал на заводе слесарем, поступил на вечерний, перевёлся в отдел. Встретили меня нормально, студентами-вечерниками было большинство молодёжи отдела.

Пришла беда, откуда не ждали, – стали массово закрывать маленькие пивные-закусочные, не скажу, что я был частым их посетителем, но в целом было непонятно, кому они помешали, наверно, стали в очередной раз бороться с пьянством. Но мужику, который захотел расслабиться после работы, выпить кружку пива или пятьдесят граммов водки, приходилось ломать голову, куда податься. Решение было найдено моментально – выпить на троих, а ведь до массового закрытия забегаловок даже такого термина не было, не то чтобы такой традиции. Народ кооперировался по трое, скидывались по рублю. На трояк в аккурат можно было купить бутылку водки, плавленый сырок «Дружба» и четвертушку чёрного, распивали, как правило, в ближайшем подъезде, сквере, на детской площадке.

Одним из таких значных мест вдруг оказался наш подъезд. Поднявшись на его три ступеньки со стороны проспекта Мира, ты попадал на маленькую площадку, на которую выходили три двери: правая и левая двери магазина, а центральная дверь – непосредственно подъезда.

Надо ли долго думать было всем затарившимся бухлом и закуской в магазине, где им употребить всё это? Да не в жисть, вот оно, место, самое отрадное наше славное парадное. Иногда стало невозможным войти в подъезд, стояло по четыре-пять компаний, пили, орали, дрались, так же испражнялись.

Поскольку на просьбы жильцов закрыть подъезд ЖЭК не реагировал, жильцы стали заколачивать двери подъезда гвоздями самостоятельно, а ЖЭК и алкотня открывали его. Через полгода безуспешной борьбы ЖЭК сдался и капитально замуровал выход на проспект Мира, благо у нас был второй вход со двора.

В конце года Георгий с Катькой и годовалой дочкой, моей племянницей Ольгой, улетели в Токио, у него была пятилетняя командировка в Японию. Мы с Милкой на подаренные нам на свадьбу деньги купили раскладной двуспальный диван, мама переместилась в бывшую комнату бабы Германы, где они временно обосновались, и мы зажили втроём.

На свадьбу родители жены подарили нам ковёр, который мы постелили на пол около дивана. Тёща, увидев ковёр на полу, – она любила покомандовать, – сказала:

– Вы очертенели, что ли, ковёр на пол стелить, так его вам ненадолго хватит, вешайте на стену.

Я ответил:

– Ну, лет на десять хватит, потом новый купим.

Тёща сделала брови домиком.

– Ишь ты, гулевой какой, купим. Мы двадцать пять лет живём, второй вот купили.

– А мы купим, мы же будем лучше вас жить.

Тут с тёщей моей случился лёгкий ступор, после чего она с негодованием спросила:

– А почему это вы будете жить лучше нас?

Я взглянул на неё и понял, что если я скажу то, что я действительно думаю, то мы станем с ней врагами на всю оставшуюся жизнь, и сказал:

– Жизнь же лучше становится с годами, вот мы и будем жить лучше, чем вы жили.

Возразить против такого, как тогда казалось, неоспоримого факта тёще было нечего, и она промолчала. Но думал я в целом иначе. Конечно, по моим ощущениям, жизнь и в самом деле становилась лучше, страна наша в пятидесятых и шестидесятых годах залечивала свои раны, полученные в тяжелейшем бою, в семидесятых она, как огромный богатырь, стала подниматься на ноги – строилось жильё, росли зарплаты, но я рассчитывал прежде всего на свой личный рост и был уверен, что добьюсь успеха в жизни. Как, ещё не знал, но добьюсь. Я вообще по жизни оптимист.

В нашей вузовской группе первоначально было человек двадцать пять, из её состава до финиша добралось человек семь, не больше. Кого-то забрали в армию, кто-то не справился с освоением программы, девчонки уходили в декрет. На первом курсе у меня довольно быстро возникли приятельские отношения с Борей Филькиным и Вовкой Рожковым. Володька уже отслужил в армии, Борис вообще был Мафусаил нашей группы – ему на момент поступления было где-то лет тридцать пять, всё мы были женаты. При этом были весьма не схожи по темпераменту, характерам, жизненному опыту, но зачастую это как раз помогает сближению людей, а не наоборот.

Я сначала сидел на занятиях с одной девицей довольно яркой внешности по имени Наталья, ей всегда хотелось поболтать на лекциях о чём угодно, кроме того, что лектор пытался донести для нас, а я старался на занятиях полноценно работать, но приходилось изредка поддерживать беседу, чтобы не выглядеть совсем уж полным интровертом. В этих коротких беседах выяснилось, что мы оба проживаем рядом со станцией метро Щербаковская. Однажды в конце занятий она достала из портфеля номерок от гардероба и положила его передо мной, я понял, что придётся провожать её домой. Перспектива эта меня мало порадовала, заканчивали мы без десяти десять вечера, и домой я попадал около одиннадцати, проболтаться где-то лишние полчаса мне было ну совсем не в жилу – вставал я на работу где-то полшестого, но отказаться проводить девушку до дома вечером было неловко. Мне повезло – оказалось, что она жила на Бочкова, в трёх минутах ходу от моего дома, но слушать весь бред, который она несла в течение часа, пока мы добирались до её дома, – Боже сохрани. Натуся была, как бы так сказать помягче, не умна, судила безапелляционно о чём угодно, включая то, о чём она слышала впервые.

Всё бы ничего, но на следующий день она выложила номерок от гардероба перед моим носом ещё в начале занятий, и это стало входить у неё в привычку. Обидеть, то есть просто послать её, мне не хотелось, а вот найти красивый способ избавиться от её назойливого внимания я никак не мог, спас меня от этой каждодневной пытки Борис Филькин, подойдя ко мне во время перемены и спросив:

– Как ты насчёт по сто граммов после занятий?

– Грешно смеяться над больными людьми, где взять-то? В десять всё закрыто.

Но Борька, как человек, работающий в этом районе, знал ходы. Тут уж не до провожаний, дело намечалось сурьёзное, а у меня появился повод, и я с легким сердцем вернул Натусе номерочек, она обиделась, а я стал свободен от утомительных для меня бесед. С Борькиными ходами не срослось, он повёл нас в стекляшку в Булонский лес (так у нас в институте называли Лефортовский парк), а там такая тьма народа – мама не горюй, развернулись и пошли по дорожке к выходу. Идём в грусти, а навстречу милиционер – молодой парень, я так, по приколу, возьми и спроси у него:

– Не подскажете, где сейчас можно вина купить?

По тем временам задать такой вопрос менту – это такая лёгкая провокация, и я ожидал наезда или какой-то резкой реакции, но парень спокойно и вежливо ответил:

– Прямо до выхода, потом на трамвай и до конечной остановки, а там дежурный гастроном, работает до одиннадцати. Но поторопитесь, времени немного осталось.

Ещё раз убедился: не суди облыжно о человеке до общения – были люди в советской милиции, кроме дяди Коли, нашего участкового. Поблагодарив его на бегу, мы помчались к выходу, нам повезло – успели минут за десять до закрытия. Взяли на пятерых три бутылки сухого вина, выпили в какой-то беседке, постояли, потрепались, бутылки забрали с собой – по дороге выкинули в урну. На душе потеплело.

Ибо сказано: вино выпитое увеличивает то многое, что связывает нас с друзьями.

У меня обнаружилось полное отсутствие знаний по химии, точнее, не обнаружилось никаких знаний, но, по счастью, у Милки была тётка, работающая преподавателем химии в школе, которая стала заниматься со мной по выходным.

Похожие проблемы возникли у меня и по английскому, но решение этой проблемы я нашёл сам – совершенно случайно встретил нашу преподавательницу английского у выхода из метро и проследовал с ней до института. По странному везению это стало происходить почти каждый раз перед занятиями – бывает же такое.

Была она девушкой лет двадцати четырёх, не больше, явно незамужней – традиционное колечко на безымянном пальце правой руки отсутствовало, весёлая разговорчивая щебетунья, знаки моего внимания принимала, как мне казалось, даже с удовольствием. Не помню точно, был ли у нас экзамен по окончании первого семестра, скорее это был зачёт с оценкой, но помню, что мои бдения у выхода метро и бережная доставка нашего дорогого препода в пенаты были оценены в четыре балла, что явилось для меня большой неожиданностью – мне б хватило и трёхи. Очень был я раздосадован перед первым занятием второго семестра по английскому, когда увидел в дверях нашей аудитории англичанку лет шестидесяти – за трёху пришлось попахать.

Власть советская, надо отдать ей должное по этой части, поощряла обучение во всех его видах – студенты вузов получали стипендии, при условии что студент успевает, в нашем институте стипендия на младших курсах дневного отделения составляла сорок рублей, предоставлялись общежития. Не забывали и вечерников, на время экзаменационных сессий нам предоставляли оплачиваемые отпуска, небольшие, где-то около недели, но с учётом примыкающих до и после выходных мы всегда укладывались – экзаменов в сессию больше пяти у нас не было.

Дома меня ждала новость – Людуся затяжелела. Известие это я воспринял индифферентно, да, понял, что летом у нас родится ребёнок, так и что? Будет так будет. Мыслей о том, что надо прервать беременность, подождать, не возникло ни у меня, ни у Людмилы.

Подошло время экзаменационной сессии, я изрядно мандражировал, готовился основательно, начиналась сессия экзаменом по высшей математике, я пошёл первым и впоследствии на экзаменах всегда шёл первым, не люблю сидеть смывать, всё равно то, что знаешь, уже в тебе, от сидения больше не добавится и не убавится. Принимал экзамены наш лектор, интересный был мужик, любил на лекциях рассказывать анекдоты, содержащие в себе какие-нибудь математические или физические положения, что-то вроде: бежит физик за трамваем, запнулся и упал, поднялся, говорит: «Хорошо, что пополам». Его спрашивают: «Что пополам?» «МВ квадрат пополам».

Он просмотрел мои ответы, задал пару вопросов, встал и, повернувшись к залу, сказал: – Я ставлю ему пять.

Зачем был нужен такой пафос, я не понял, может, ребят подбодрить? Дальше всё пошло как по накату, всё сдал на пятёрки, кроме английского и химии, по химии четвёрку получил. Расслабился, понял, что учиться смогу.

На работе к нам в отдел после службы в армии пришёл новый парень – Сашка Ефанов, мы с ним сдружились. Он был отчислен с третьего курса того же вуза, в котором учился я, за неуспеваемость, был призван в армию, отслужил, восстановился, но уже на третьем курсе вечернего отделения. Служил в ГСВГ (группе советских войск в Германии), пацан был с юмором, гордо заявлял мне:

– Салага, я участник Братиславской операции, участвовал во вводе советских войск в Чехословакию.

Был эрудирован, толков, глубок. С ним было интересно общаться.

Новый год решили отметить в сугубо домашнем кругу: мы с Милкой, мама и тесть с тещей и младшей дочерью, Милкиной сестрой. Мама моя рассказывала, что я родился часов в одиннадцать вечера, тёща на основании этого заявила, что и отмечать мой день рождения начнём не раньше одиннадцати, в итоге пожрать дали ровно в двенадцать, то есть в то время, когда нормальные люди могут только шампанское в себя влить, места уже ни для чего не остаётся – очень мне тот Новый год не понравился.

Начальнику нашего отдела было изрядно за шестьдесят, спокойный, никогда не повышал голоса на сотрудников, сидел, обычно облокотившись локтями на стол, держа в правой руке остро заточенный карандаш, левая кисть обнимала правую. Бывало, задрёмывал, голова начинала клониться, и иногда лбом касался грифеля, после чего он плавно распрямлялся, грозным взглядом обводил близ сидящих работников, и всё повторялось сначала.

Поскольку рабочее место выбрали мне из тех, какое первым попало на глаза начальнику, было оно не самым удобным – я сидел напротив входа, левее напротив был стол экономиста отдела, а правее напротив наискосок – стол начальника, может быть, поэтому мне частенько находили какое-нибудь дело, не связанное напрямую с моей основной деятельностью. Как-то начальник отдела поднял голову, подозвал меня и сказал:

– Олег, – он меня называл Олегом, – надо срочно отвезти письмо в Министерство, и заодно недалеко в магазине на Кузнецком нужные нам ГОСТы купишь.

Времени до учёбы было достаточно, и я помчался выполнять ответственное поручение – отвезти письмо то ли заместителю министра, то ли начальнику главка. Стояла хорошая погода, а я с работой и учёбой совсем перестал появляться на улице. К тому же интересно было посмотреть на Новый Арбат, реконструкция которого только закончилась, да и вообще давненько я с замминистрами не общался.

Мне растолковали, где находится замминистра, где магазин с нормативной литературой, и я отчалил. Зашёл домой, перекусил, переоделся, взял портфель с тетрадками – и вперёд.

Первоначально доехал на сорок восьмом троллейбусе до Детского мира и оттуда неспешно дотопал до нужного мне магазина на Кузнецком. В магазине была толпа народа, публика теснилась у касс, всем понадобились ГОСТы.

Что за люди, в такую погоду, ну, ладно я, человек подневольный, но они народ в большинстве возрастной, ехали бы лучше в Сокольники, там в «Сирене», по слухам, «Старопрамен» выбросили.

Стоять такую очередь не входило в мои расчёты, и я без колебаний вкатился в кабинет директора. Поздоровавшись с порога, я проследовал к столу, за которым сидела утонувшая в бумагах женщина, решительно водрузил на него свой портфель и заявил:

– Хотим купить у вас оптом партию ГОСТов, где можно оформить?

Женщина, с трудом выбравшись из бумажных развалов, поглядела на мою румянонахальную физиономию, на саквояж, стоящий на её столе, и ласковым голосом конвоира дисбата произнесла:

– Мальчик, портфельчик убери со стола.

Я взял в руки портфель, распрямился и набрал воздуха в грудь, стараясь выглядеть солидней, директриса, явно стараясь не рассмеяться, распрямилась в кресле и поинтересовалась:

– И какую партию Вы хотите приобрести?

– Двадцать штук.

– Номер ГОСТа назовите, пожалуйста.

Ни номера ГОСТа, ни его названия в отделе не знали, примерно рассказали, о чём он, что я и поведал директрисе. На глазах её появились слёзы, думаю, от пережитого волнения по поводу сорвавшейся крупной сделки, но она собрала волю в кулак и произнесла каким-то слегка придушенным тоном:

– Пройдите в отдел, подберите, что Вам нужно, а затем в кассу. У нас нет практики работы с оптовиками, всё через торговый зал.

Я пошёл в торговый зал, размышляя о причинах её странного поведения, понял – явно втюрилась.

Подобрать то, что мне было нужно, оказалось непросто, ГОСТов этих были неисчислимы тысячи, мне дали перечень примерно того, что соответствовало моим требованиям, сотни на три, но определиться, точно то или нет, я не мог – не хватало квалификации. Взял предположительно, в смысле наугад.

Утром следующего дня в отделе выяснилось, что ГОСТы я взял не те.

Министерский главк, в который мне надо было попасть, располагался в одной из высоток-книжек на только что построенном проспекте Калинина в получасе ходьбы от магазина, и я отправился пешком – я вообще очень люблю ходить пешком.

На Калининском я понял, что надо немного ускориться, поэтому в здание главка влетел на полных парах, проскочил мимо скучающего охранника, влетел в пустующий холл, увидел справа два эскалатора и побежал, шагая через две ступени, вверх. Далеко я не умчался – споткнулся, ударился коленом о ступеньку, схватился свободной рукой за поручень, чтобы не загреметь физиономией, зафиксировался и с удивлением понял, что я еду вниз. Внизу у эскалатора меня уже ждал охранник, он помог мне сойти с эскалатора и стал сочувственно растолковывать:

– Это ж эскалаторы – лестницы такие подвижные, ближняя вниз к нам едет, дальняя – вверх. Вот сколько вас из периферии не приезжает, все вы на ближнюю прётесь. Ну, на метро-то ведь уже по Москве проехался, должен как-то начинать разбираться.

Я махнул рукой, ничего не говоря, направился ко второму эскалатору, идущему вверх, и зашагал через две ступени. Охранник запоздало закричал мне вслед:

– А пропуск-то, пропуск забыл оформить.

Я, не останавливаясь, крикнул:

– На выходе оформлю.

– Как на выходе, как на выходе? Его ж отметить надо.

– Вернусь – отмечу.

Пропуск, тоже сказанул, я и паспорт-то не догадался взять – наставили застав, охранников, держиморды околоточные. Я был уже на втором этаже, там располагалась лифтовая площадка.

Этаж я знал, поднялся на лифте и бодренько двинулся по ковровой дорожке коридора, изучая периодически возникающие перед глазами таблички с именами владельцев кабинетов и названием их должностей, нашёл нужную дверь, постучал и, не услышав никакой ответной реакции, попытался её открыть.

Дверь не открывалась, и я её слегка подёргал, думаю: наверно, секретарша чай пьёт с подружками, закрылись, сучки, чтобы их не беспокоили, ничего, посильней подёргаю – услышат, увидят, откроют, куды они денутся? И вдруг я услышал за спиной:

– Что Вы делаете?

Я поднял глаза – мужик, в хорошем костюме, проходивший мимо по коридору, остановившись, с недоумением глядел на меня.

– Да вот, хочу к замминистра попасть, мне письмо надо передать.

– Так вам надо в секретариат идти, – мужик махнул рукой куда-то в конец коридора. – Там табличка рядом с дверью, не ошибётесь.

Я, пробормотав невнятное: «Болдарю», – двинул в секретариат, сдал письмо и поехал на занятия.

Весной, где-то в середине марта, позвонил Мишка Петров, пригласил на свадьбу меня с Милкой и Димку Мурзина с Танюшкой Улицкой. Было человек двадцать пять родственников и друзей, в ЗАГС поехали только жених с невестой с друзьями, отмечали дома у невесты.

Гуляли свадьбу в большой комнате второго этажа деревянного дома в Марьиной роще, выпили, закусили, решили потанцевать, я опрометчиво пригласил одну из подружек невесты, в смысле Мишкиной жены. Лопухнулся я, решил станцевать с ней шейк, а была она девушкой весьма крупной и энергичной, в итоге разошлась так, что полы стали пружинить как батут, а дом – раскачиваться, как во время землетрясения, со стола посуда стала падать. Ну, думаю, трндец, сейчас халупа эта по бревнам раскатится, повезло – музыка кончилась раньше.

Ближе к ночи явилась какая-то гопота бить Мишке морду за поруганную честь нынешней его жены, вроде бы она была невестой одного из этих калдырей. Пошли вчетвером – Мишка со свидетелем и мы с Димкой. Спустились вниз, свидетель Мишкин – мужик лет сорока – сказал:

– Я переговорю с ними, вы парни молодые, горячие, полезете на рожон, а сегодня надо без драки обойтись, – и пошёл к группе, от них тоже двинулся переговорщик, поговорили, потом переговорщик ушёл, подошёл какой-то пацан, свидетель позвал Мишку. О чём-то перетёрли втроём и разошлись каждый в свою сторону, гопота свалила, а мы пошли догуливать свадьбу.

Скучная свадьба, без драки, ну, хоть потанцевали от души.

Мишка договорился с пацаном встретиться тет-а-тет и перетереть за это дело, а пацанчик-то не пришёл, видно, посмотрел на Миху и того – диареяс.

А Димка Мурзин молодцом, не спасовал ни на секунду, был спокоен, решителен. Интересно было взглянуть на него в такой ситуации. До дела не дошло, но было видно, что и в драке не струсит. В компании нашей он стал изредка появляться с тех пор, как стал встречаться с Танюшей Улицкой, и от всех нас отличался разительно. Спортсмен, кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике, студент, с нами держался ровно, без распальцовки, не скозлил ни разу, ни на мгновение не указал на некое превосходство, которое в совокупности достигнутого им,

несомненно, было. С ним было интересно беседовать, общаться и тогда, и сейчас, хотя тому минуло полвека.

Позвонил Юрка Березин, предложил в субботу пойти в баню попариться, согласился – почему нет? Я, правда, такой парильщик – ого-го, в бане был один раз в жизни в возрасте лет четырёх, зато в женском отделении, я ваще крутой перец – мне есть что вспомнить и чем гордиться. Договорились встретиться в субботу в два часа дня около Сандуновских бань.

Подойдя к двум часам к Сандунам, увидел Юрку, голосующего у бровки 1-го Неглинного переулка и оживлённо что-то обсуждающего с незнакомым парнем лет тридцати. Поздоровались Юркой, познакомились с парнем:

– Олег.

– Стас.

Я не успел открыть рот, чтобы выяснить, что они делают, как Юрка тормознул машину, о чём-то переговорил с водителем и скомандовал:

– Грузимся.

Мы со Стасом сели на задние сиденья, Юрка – спереди, повернувшись ко мне, произнёс:

– Сейчас приедем – всё расскажу.

– А куда едем?

– В Столешников, там винный хороший – есть горилка з перцем, потом в Лужники – сегодня хоккей интересный.

– Какой Столешников, какая горилка, какие Лужники и хоккей? Мы ж в баню собирались.

– Баня не уйдёт, а такой хоккей нельзя упускать.

– Ребят, у меня денег на билет в баню, на две кружки пива и на троллейбус до дома.

– Да не парься, у нас так же.

Я подумал: да хрен с ней, с баней, не был я в ней двадцать лет без малого, схожу на хоккей, тоже ни разу не был, интересно же. Но вот насчёт денег я не понял: если у всех нас нет денег, то почему мы едем на такси за горилкой и на какие шиши мы собираемся попасть на хоккей? Сам-то я лично с момента начала моей конструкторской карьеры ввиду непродуманного решения начать её с должности чертёжника забыл, как деньги выглядят, забыл их вид, запах и даже для чего они существуют. Хорошо, начальник пожалел меня убогого и взял техником, а должать я не мог – отдавать было нечем.

Отпустив такси по прибытии в Столешников переулок, парни взахлёб стали рассказывать, как они, следуя к бане, нашли на углу Неглинной и 1-го Неглинного переулка кошелек-подкову с изрядным количеством купюр немалого достоинства в подтаявшем сугробе. Было видно, что кошелек пролежал в сугробе не один день, основательно промок, так что ж с того, купюры были мокрыми, но целыми. Тут друзья поняли, что это знак – перст судьбы указующий на то, как правильно провести вторую половину субботы.

Что тут скажешь? Против указующего знака самой судьбы и мне переть не было никакого резона. Вдобавок халява, сэр. Мы взяли пару бутылок горилки, поймали такси и покатали на стадион.

Билетов у нас, естественно, не было, но изрядное количество купюр, потерянных неизвестным раззявой, моментально помогло нам снискать уважительное внимание каких-то жучков, торгующих билетами рядом с кассами. Нашлось три билета на хорошие места, все рядом.

Первым делом на стадионе мы проследовали в буфет, взяли, не скупясь, закусок и стаканы, расположились за столиком, Юрка сорвал за козырёк крышечку с бутылки и стал наливать горилку в стакан, но в этот момент фортуна показала свой женский характер.

Из броуновской толпы снующих в разные стороны болельщиков, из гвалта и суеты, звяканья ложек в стаканах, постукивания вилок, приветственных возгласов, хлопков открываемых бутылок и шипения пивных струй, наполняющих бокалы, материализовалась пара рослых

юношей с красными повязками, на которых крупными белыми буквами было выведено «Дружинник». Один из этих пионеров-переростков весьма бесцеремонно взял со стола наполовину наполненный стакан и попытался забрать бутылку из Юркиной руки. Все произошло настолько неожиданно и стремительно, что Юрок по инерции вылил порядочную порцию драгоценного напитка на стол. Всё это, конечно, нас возмутило – какая бестактность и нахрапистость, но два этих сопливых цербера посоветовали нам ознакомиться с вывеской, висящей над буфетом. Да видели мы её, на ней было крупными буквами написано: «Приносить и распивать спиртные напитки запрещено», – и чего? А вот чего – нам было предложено отдать им бутылку и проследовать в комнату народной дружины, а в случае неподчинения была обещана встреча с нашей родной советской милицией. Последнее показалось нам совсем не нужным, и мы проследовали в указанное место, сопровождаемые двумя этими продолжателями дела Павлика Морозова.

Комната народной дружины была метров под сто, в центре стоял длиннющий стол со стульями, вокруг которого толпились юные блюстители законности и несколько милиционеров, а по периметру зала вплотную к стенам стояли небольшие столы, возле которых стояли кучками такие же бедолаги, как мы, – шли разборы полётов.

Нас подвели к одному из этих столов, дружинник, поставив перед сидящим за столом мужиком явно некомсомольского возраста наполовину наполненный стакан и початую бутылку с нашей горилкой, произнёс:

– Распивали в буфете, после чего присоединился к толпе гомонящих вокруг стола филёров.

Коронер наш каким-то плотоядным движением взял в руки бутылку, рассмотрев этикетку, одобрительно кивнул головой, а затем стал переливать в неё горилку и из стакана. В процессе этого увлекательного занятия он, не поднимая головы, со значением, хорошо поставленным голосом трибуна произнёс:

– А вы, молодые люди, читали объявление на стене буфета? Как же вы так? У нас сегодня праздник спортивный, собрались любители такого замечательного вида спорта, а вы себе позволяете. Ну, я вижу, вы ребята ещё не конченные, ладно, по первому разу так и быть протокол составлять не будем, отпустим вас под честное слово, что вы не повторите сегодняшних ошибок.

Тут Юрка, как бывший комсомольский вожак, отлично понимающий, какая судьба ждёт конфискованную у нас бутылку, произнёс:

– Да ладно, всё понятно про вас, любителей хоккея, игра начнётся, а вы тут жбаниться начнёте и горилочку нашу оприходуете.

Мужик поднял голову.

– Не хочешь по-хорошему, не осознал. А пойдём вместе, я на твоих глазах её в унитаз вылью. Кстати, а что у тебя в портфеле, может, ещё одна бутылка?

Стало припекать, Юрка понял, что переть на рожон бессмысленно.

– Да ладно, это я так, в шутку, мне, когда я в Сокольническом райкоме ВЛКСМ инструктором мантулил, тоже в оперотряде дежурить приходилось.

Мужик поднялся, протянул Юрке руку.

– Ну, вот видишь, почти коллеги, всё знаешь. Ладно, идите уже, не попадайтесь больше.

Они пожали друг другу руки, и мы вернулись буфет. Место наше было занято, но это было дело поправимое. Юрка был собран и целеустремлён, формулировал задачи:

– Стас, давай снова в буфет, Алек, поищи места за столиком, действуем так: по одному идём в сортир, заходим в кабинку, выпиваем и возвращаемся сюда.

Сказав это, он взял чистый стакан с подноса буфетной стойки, сунул его в портфель и бодрым шагом направился к выходу. Минут через десять, когда я уже сидел за столом – караулил места, вернувшийся из уборной Юрок вручил мне портфель как эстафетную палочку и произнёс:

– Давай ты.

Он остался дожидаться Стасика с закуской, а я двинул по его горячим следам.

В сортире меня поначалу озадачило изрядное скопление народа, разобравшись, я понял, что всё не так печально. В каждую кабинку стояла небольшая очередь, человек по шесть-семь, но входили они группками по два-три человека, потом слышалось позвякивание горлышек бутылок по краям стаканов, бульканье жидкости и кратковременная пауза, выходили раскрасневшиеся, не задерживались – понимали, народ ждёт. Я также никого не задержал, в итоге на трибуны мы попали подготовленными.

Сказать по совести, я хоккеем или футболом интересуюсь только тогда, когда проходят крупные международные состязания, и только по телевизору, то есть болельщик так себе, на стадионе был впервые, но зрелище мне понравилось, атмосфера и всё прочее. Кричал вместе со всеми, свистел, всё как положено, но чувствовал себя как Расул Гамзатов, сидящий в президиуме Верховного Совета СССР и отбивший по этому поводу телеграмму жене следующего содержания: «Сижу в президиуме, а счастья нет».

Выйдя после окончания игры на улицу, Юрка пересчитал оставшиеся деньги – на ресторан не хватало, но на пару бутылок вина с закуской – вполне, чем и занялись. Пили на какой-то стройке, потом чуть не подрались с такими же искателями приключений на троллейбусной остановке, всё по стандарту. Дома был за полночь.

На работе меня перевели в группу Иванова Бориса Петровича, точной причины перевода я не знал, но догадывался, наверняка постаралась мамуля, решила, что Борис Петрович лучше будет держать меня в руках. Не скажу, чтобы я сильно расстроился, но и не обрадовался, это точно.

Мне нравилось работать с Берлинером – были по душе его точные формулировки, язвительные остроты, мгновенная реакция, умение не теряться в любом разговоре или ситуации. Был ещё один факт в его биографии, за который я уважаю людей априори, – он был фронтовиком.

Рассказывали про него одну забавную историю. Две женщины из машбюро задержались на работе и шли к выходу по узкому длинному коридору второго этажа – по нему обычно проходили к выходу и обратно сотрудники нашего отдела и литейщики. В коридор выходили двери большого количества заводских и институтских служб, и для того, чтобы в рабочее время сотрудников этих отделов не допекал топот проходящих по нему людей, пол коридора был застелен толстой ковровой дорожкой. Время позднее, никого нет, и одна из женщин не смогла сдержать природный позыв и пукнула. Сложно представить, как вести себя мужику, который случайно оказался в нескольких шагах сзади, но только не Леониду Ильичу. Подруги, смеясь, не останавливаясь, двигались по коридору, как вдруг увидели, что сбоку их обгоняет мужчина, в котором они узнали Берлинера, не обращая на них внимания, быстрым шагом он пошёл впереди, оторвался шагов на десять, пукнул и, не оборачиваясь, удалился.

Так разрулить ситуацию мог только Берлинер.

Леонид Ильич не согласился с тем, что меня забирают у него, пошёл разбираться с Невским, поначалу разговор их происходил на полутонах, но, когда градус беседы вырос, я, поскольку сидел недалеко, что-то услышал. Берлинер, возмущаясь, говорил, что как только ему попадает парень, из которого, по его мнению, выйдет толк, у него его отбирают, что отвечал Евгений Моисеевич, я не слышал, его из себя вывести на моей памяти не удалось никому.

Борис Петрович был крупным, грузным стариком, как мне показалось тогда, на самом деле ему было, мне думается, лет пятьдесят пять, не больше, я дружил с его сыном Серёгой. Группа его занималась в основном крупными штампами, и я занялся, естественно, тем же.

В те годы все необходимые при проектировании расчёты производились в основном на логарифмических линейках, когда была необходима более высокая точность, использовался арифмометр «Феликс» – лютый металлический агрегат, напоминающий кассу в магазине, позволяющий производить четыре основных арифметических действия, или тома таблиц, содержавших произведения (результаты умножения) пятизначных чисел.

Поначалу я пользовался своей школьной логарифмической линейкой, но к постоянной работе она была не очень пригодна – движок не сдвинешь с места, бегунок норовит соскочить с корпуса, циферки на корпусе еле различимы, и я, прикинув, что вряд ли в Японии это чудо-устройство стоит больших денег, попросил Катю, чтобы она привезла мне логарифмическую линейку. Летом по приезду в отпуск они мне вручили логарифмическую линейку Faber, у меня было ощущение, что я с «Запорожца» пересел на «Мерседес».

В целом в работе всё у меня шло более-менее неплохо, но, увлекаясь, я делал фантастические ляпы. Однажды в проектируемом штампе мне необходимо было закрепить клиновой упор на нижней плите в центре конструкции, поразмышляв, я решил сделать в центре плиты-основания отверстие, где и закрепил оный, приболтив его – на бумаге, естественно, – изнутри к плите. Всё было красиво, конструкция оригинальная и работоспособная, вот только было невозможно просверлить отверстия под крепление клина и нарезать в них резьбу. О чём поведал нам на еженедельном разборе зам. нач. отдела, была у нас такая практика: собирали раз в неделю или раз в две недели весь молодняк и разбирали наши основные конструкторские ошибки. Разбирая работу, замнач вопрошал:

– Ну, вроде бы хорошо придумал, но чем эту дырку сверлить, кривым сверлом? Чем резьбу нарезать, кривым метчиком?

Что интересно, контролер, проверявший мою работу, оставил конструкцию без изменений, просто просверлив отверстия для расположения крепежа снаружи, а не изнутри, как предполагал сделать я и что сделать было невозможно, и резьбовые отверстия для крепления сделал в самих клиньях. А там и было-то всего триста миллиметров, до сих пор не понимаю, как это я не додумался сам.

На майские половину молодёжи отправили на демонстрацию, вторая половина ходила на ноябрьские. Я пошёл впервые, было даже интересно. В группе всегда были старшие – кто-то должен следить за порядком, руководить. Как водится, договорились: взяли выпивки и закуски, это не возбранялось, руководители тоже участвовали, во-первых, надо согреться, во-вторых, праздник всё же. Нам не повезло – был черёд нашего отдела катить стальную телегу, на которой был закреплён на поворотной раме портрет Ленина. Телега была изготовлена качественно, двигалась легко, имела тормоза, заворачивала – всё было по уму, но тяжёлая, сволочь, была – там, где дорога имела естественный подъём, приходилось напрягаться всем вместе, потом, изображение дедушки Ленина имело изрядную парусность, задолбались, одним словом. Катили по проспекту Мира, Сретенке, потом, кажется, по проспекту Маркса и всё как-то без приключений, но, сворачивая уже к Красной площади, упёрлись щитом в троллейбусные провода, затормозив движение всех идущих за нами. Стали крутить рукоятку редуктора щита, он опускался еле-еле и кто-то из пацанов догадался – забрался по раме щита и повис на её верхней планке, под его весом рама слегка повернулась, и конструкция прошла под проводами. Набежавшие штатские, все как на подбор, в тёмных костюмах, белых рубашках и галстуках, скомандовали:

– Давайте бегом, вашу мать, – и мы рванули бегом догонять хвост колонны. Один сидел, крутил рукоятку редуктора, возвращая портрет в вертикальное положение, а мы – человек пятнадцать – мчались сквозь гэбэшные шеренги с телегой, на которой портрет вождя был лихо наклонён градусов на сорок пять.

Даже вождям рукой не помахали, вот они, поди, огорчились.

Интересно, что никого даже не наказали за наш нестандартный забег по Красной площади.

В институте всё шло своим чередом: зачёты я сдал в срок, подошла пора сдачи экзаменов, но рано утром шестого июня, за два дня перед первым экзаменом, меня растолкала жена и испуганным голосом сказала:

– Ой, из меня что-то течёт.

Я разбудил маму, мама сказала:

– Воды отошли, звони в скорую.

В скорой сонная тётка, вяло расспросив, что и как, уточнив адрес, сообщила:

– Ждите, машин нет, будет часа через два, не раньше.

В ответ на мои увещевания она просто положила трубку. Мама помогала потихоньку собираться Люде, увидев моё растерянное лицо, рявкнула:

– Чего стоишь, беги за такси.

Я впрыгнул в брюки, схватил в руки майку и ломанулся бегом по лестнице – так быстрее. На мою удачу, во дворе, прямо напротив нашего входа парковался таксист – водитель жил в седьмом подъезде. Надевая на бегу майку, я подбежал к нему, объяснил ситуацию, попросил отвезти жену в роддом, он глянул на меня глазами из ввалившихся от усталости глазниц и произнёс:

– Прости, семнадцать часов баранку крутил, боюсь даже дальше за рулём находиться. Беги на проспект, может, поймашь кого, мне минут пять надо в машине поковыряться, не поймашь – отвезу.

Выскочив из двора, увидел – опять удача, в первом ряду на светофоре стояло такси, я скачками наискосок с угла дома добежал и встал перед капотом, чтобы она не укатила на зелёный, водила и не думал никуда двигаться – машина стояла перед светофором, габариты горели, хотя уже рассвело, было около половины пятого, но двигатель был заглушен, а водитель спал, откинувшись в кресле. Подскочив к водительскому стеклу, я негромко постучал – реакции не было, я постучал погромче, потом стал дубасить кулаками по крыше, раскачивать автомобиль, свистеть. Кричал:

– Жена рожает!

Водитель не реагировал ни на какие мои действия, поняв тщетность моих усилий, побежал во двор, моля в душе: «Господи. Лишь бы он не ушёл».

Он не ушёл, стоял, опершись спиной на машину, опустив голову, дремал, наверное, услышав мои шаги, сказал:

– Беги за женой. Прихвати водички похолодней.

Взлетел к нам на шестой, дверь была приоткрыта, Людочка сидела на табуретке у входа, мама стояла рядом, кабина лифта стояла на этаже. Пробежав мимо них на кухню, я открыл кран с холодной водой до предела, схватил пустую бутылку из-под молока, налил воды, мы спустились вниз, бережно помогли Миле дойти до машины. Я протянул водителю бутылку, он сделал глоток, вернул её мне, нагнулся и сказал:

– Слей.

Стал аккуратно лить ему на затылок воду, он, фыркая, умывался, прикрикнул:

– Давай смелее.

Я повернул бутылку вертикально, из широкогорлой бутылки вода течёт будь здоров. Водила наш покрутил головой, обрызгав меня с ног до головы, как пёс, вылезший из водоёма, разогнулся, посмотрел на меня повеселевшими и помолодевшими глазами и сказал:

– Ну, вот, совсем другое дело, хоть опять на смену.

Двенадцатый роддом находился от нас в десяти минутах ходу, мы там были минуты через три, удивило отсутствие людей, как-то мне казалось, что там всегда кто-то рядом крутится,

хотя время было раннее. Мама помогала Людмиле потихонечку выползти из машины, а я бегом помчался к дверям. Подергал ручку – дверь оказалась закрытой, стал звонить в звонок и стучать в дверь, минут через пять дверь приоткрылась, оттуда высунулась рассерженная бабка в белом халате.

– Ты что, слепой?! Или читать не умеешь? Висит же объявление – «Роддом закрыт на плановую дезинфекцию».

Где это объявление? Может, и не увидел в горячке, но не до того. Потихонечку усадили уже измаявшуюся Людочку в машину и двинули в двадцатый роддом в Бабушкине.

Там всё работало, и роженицы создали очередь, дождались своей, схваток у нас не было, сдали нашу курочку в мозолистые руки акушерок.

Водитель наш дремал в автомобиле, дожидаясь нас, увидев, поинтересовался, как дела, счётчик показывал всего рубль семьдесят, я вручил ему трояк – выручил, если мог бы тогда, дал бы в разы больше, но он отсчитал мне рубль тридцать сдачи, сказав:

– Да ты что, такое дело, разве можно? Ещё пригодятся сегодня. Садитесь, мне ж всё равно домой ехать, в соседних подъездах живём, довезу.

Человечище. Пригодились. Я уже был в отпуске, через день надо было сдавать экзамен по математике, но какая тут подготовка, какая, к чёрту, математика?! Ходил маялся по квартире, не знал, куда себя деть, решил позвонить Димке Мурзину. Димон, услышав новость, сказал:

– Щас буду.

Пока ждал, спустился вниз, у нас в магазине, располагавшемся на первом этаже, открылся винный отдел, взял бутылку вина. Приехал Димка, сидели, о чём-то говорили, по чуть-чуть выпили. В одиннадцать позвонила тёща, кричала в трубку:

– Алек, Алек! У тебя сын родился.

Подумал: Мишка родился. У меня все дядья носили эти простые добрые красивые имена: Иван, Михаил, Григорий, Павел.

Михаил – равный, подобный богу, вымоленный у бога.

Димка, услышав новость, взял и подкинул меня к потолку, если б не знал его и Людочку хорошо, прям засомневался бы.

В роддом ездил почти каждый день, она лежала в палате на третьем этаже, перекрикивались через форточку, однажды она попросила наменять двухкопеечных монет, девчонкам звонить нечем. К следующему визиту наменял, сложил в столбик, завернул в кусочек ватмана, затянул плотненько чёрной круговой резинкой, по приходу вызвал Милку, стал кидать в форточку. Кидал несколько раз потихоньку, боялся, что рассыпятся, не рассыпались, но всё никак не мог попасть. Людмила кричит:

– Давай я спущусь.

Но я уже озлился и запустил их со всей дури, столбик влетел в форточку, вдруг из окна раздался визг сразу десятка женских глоток. Думаю: господи, да что я мог натворить пакетиком с мелочью? Через пару минут в форточке, смеясь, появляется Милка и сообщает, что пакет ударился в потолок, разорвался от удара и монеты как шрапнель разлетелись во все стороны, девки от неожиданности и перепугались.

Однажды, приехав раньше, чем договаривались с Людусей, я решил зайти к Надьке Хамсе потреться, мужику её лоб забрили, а у неё ребёнок где-то до года, узнать, как она крутится. Зашёл, а она гулять с ребёнком собирается, говорит: вот как хорошо, хоть кто-то поможет коляску вынести из подъезда. Вынесли коляску, гуляем, болтаем о том, о сём, смотрю, а у меня уже урочное время, говорю:

– Надюх, пошли со мной к Милке, потреться.

Она мне:

– Алек, это плохая идея.

– Да не выдумывай, пошли.

И пошли. Пришли, я выкричал Милку, выглянув в форточку, она изменилась в лице и строго мне сказала:

– Иди домой немедленно.

– Да ладно, Мил, чего ты?

– Я тебе сказала, иди немедленно домой.

Пробормотав Надюшке: «Ну, пока», – я поплёлся домой.

Ну, бабы, всегда на страже, враг не пройдёт.

Дня через три после моего неудачного визита собрался забирать Людочку с Мишанькой домой.

Сам ритуал получения младенца из роддома был строго регламентирован, мне велено было запастись двумя юбилейными рублями и шоколадкой, рубли надо было сунуть в карманы халатов нянкам, которые выносили ребёнка, а кому передавалась шоколадка, уже не помню.

Мне передали в руки маленький кулёчек, взяв его в руки, я, тихонечко приподняв одеяльце, уголком закрывающее личико, впервые посмотрел на своего сына, он спал, мордашка была вся в морщинках, как у маленького старичка, кожа красноватого отлива, как будто он пережарился на солнце.

Через несколько дней по приезду Мишаньке врачи диагностировали диспепсию, он постоянно плакал, мы не высыпались оба, днём мне надо было готовиться к экзаменам, и Людок, чтобы помочь мне, до конца сессии перебралась в комнату к маме. Дней через пять моя экзаменационная лихорадка прошла, сдал я всё хорошо, а сынуля наш никак не выздоравливал, старания врачей из нашей детской поликлиники не приносили результатов. Нашли какую-то платную детскую клинику, приехала женщина-врач, посмотрела Мишутку, анализы, достала стеклянную баночку с какими-то маленькими пилюльками, скормила одну Мишке, отсыпала чуть-чуть нам, объяснила, как и когда давать малышу, взяла двенадцать рублей за визит, деньги за такси и укатила. И солнышко наше сразу перестало плакать, через день наладился стул, а через два он был уже здоров, морщинки разгладились, кожа приобрела здоровый оттенок – красавчик.

Лопал наш карапуз будь здоров, молока у Милки не хватало, и я ходил на детскую кухню за молоком, благо она была в нашем доме.

В начале июля меня перевели на должность старшего техника, оклад которого составлял девяносто рублей, с премией в месяц получалось сто семнадцать, до моей прежней зарплаты слесаря четвёртого разряда было ещё далековато. Людмила как кормящая мать сидела дома с нашим маленьким, так что денежек у нас было только на поесть-попить, помощи ждать было неоткуда. Мать моя – медсестра, у Милки отец – запойный пьяница, сестре тринадцать лет, мать кладовщицей работает в Гознаке, да мы, признаться, и не ждали ни от кого помощи. Когда я поступил в институт и перевёлся техником в отдел, я сказал Люде:

– Мил, нам сейчас будет непросто, но ты поверь мне, когда я окончу институт, у нас всё будет в порядке, я тебе обещаю. Надо только подождать.

Она поверила и ждала. Бывали моменты, когда с деньгами было ну просто край, нету и всё, хоть ты тресни, но ничего, как-то выкручивались. Главное, что их отсутствие никогда не вызывало напряжения в наших отношениях.

Через несколько месяцев после родов, когда Милка уже освоилась с нашим малышом, мама предложила нам «халтуру» – работу уборщицы в её здравпункте, мы согласились, не раздумывая, убираться ходила, конечно, Людмила, мой график не очень позволял мне там появляться, но изредка, когда Людуся хворала, убирался я или мама, работёнка эта долго выручала нас, пока я не стал зарабатывать какие-то более-менее приемлемые деньги. Работы там было на час, не больше – помыть полы после окончания работы, а платили шестьдесят рублей, это был неплохой приработок по тем временам.

Была в самом начале нашего пути неприятная история: что-то вдруг стали вспоминать, какая из сторон внесла больше средств в свадебные расходы, получился какой-то отвратительный разговор, оставивший гадливый осадок в душе, и я сказал своей голубке:

– Мил! Давай впредь больше никогда не будем обсуждать эти темы так, как это получилось сейчас, иначе брак наш превратится в яму с дерьмом.

Она, видно, чувствовала то же, мы с тех пор и взяли в толк, что деньги нужны для того, чтобы жить, но живём мы не для денег. Они не суть жизни, а просто инструмент, её улучшающий, и отнюдь не самый главный. Так и живём. Всегда обсуждаем крупные покупки вместе, деньги в общем доступе, при необходимости каждый берёт, сколько нужно, и не убиваемся, если возникает их нехватка, – дела житейские.

А что до денег, нужны, конечно, нужны для достойной жизни, нужны, чтобы не думать о деньгах, это важная составляющая жизни, но, если в семье отношения любовные переплетаются с отношениями дружескими, можно и подождать. Конечно, это не должно быть тупое ожидание погоды у моря, что-то вроде того: а вдруг капнет откуда-нибудь. Не капнет, капнуть сверху может только птичье дерьмо, а для достижения финансового благополучия кто-то должен в семье трудиться, по мне, так это должен быть мужик, мужчина. Я, пока учился на вечернем, не в полной мере соответствовал требованиям, предъявляемым к главе семьи в финансовом плане, но ясочка моя ни разу не упрекнула меня в этом, просто верила в меня и ждала.

Отмечали группой сдачу весенней сессии мы в Булонском лесу (Лефортовском парке), были почти все. Купили вина, водки, рыбных палочек – привычку брать их на закуску ввёл Борис Филькин, пришли на берег пруда, расположились на большой парковой скамейке, было тепло, но не жарко, как-никак, только начало июня, но Борис разделся до трусов и полез в пруд, искупался, вылез, обсох на прохладном ветре. Нам эта идея поначалу не глянулась – в сторону от нас в пруду бултыхалось полторы сотни уток, но Бориска утверждал, что вода чистая, и, выпив ещё, в воду залезли почти все парни.

Все последующие пять лет сдачу весенней сессии мы отмечали купанием в пруду Лефортовского парка.

Появилась у нас ещё она традиция. Возникла она из-за вечной проблемы с поиском стакана для распития алкогольных напитков, которыми мы, не скажу, что часто, но, бывало, снимали послеэкзаменационные стрессы, обмывали какие-то радостные события, или просто появлялось желание расслабиться. Поскольку мест в питейных заведениях в стране родной для всех не хватало, народ устремлялся для этих целей в парки, сады, аллеи, во все места, где вероятность встречи с представителями закона уменьшалась. Так вот, однажды, загрузившись потребным количеством напитков и закуски «на горке», так все в Технилище называли магазин напротив Военно-исторического архива, мы поняли, что перед нами опять встала пресловутая проблема стакана. Лёня Райский – какая наивность, – поглядев на одутловатое, с синим отливом лицо продавца мясного отдела, смекнул, где можно раздобыть стакан, и, подойдя к прилавку мясного отдела, негромко произнёс:

– Мужик, дай стакан, через час вернём.

Мясник, ковыряясь в витрине прилавка, пробормотал что-то нечленораздельное. Леонид переспросил, мясник распрямился, он оказался изрядного роста и произнёс негромко, но отчётливо:

– Нет у меня стакана, – потом громче: – Нет у меня стакана.

Мы развернулись и пошли к выходу, а голос мясника гремел, перекрывая все шумы в зале и за витриной:

– Нет у меня стакана, по двадцать раз на дню подходят и стакан спрашивают, а у меня нет стакана, я вообще не пью, мне нельзя по болезни.

Борис Филькин, как самый мудрый, разрешил эту проблему навсегда, не дожидаясь перитонитов, – принёс складной металлический стакан на следующее занятие. Культурно-питейная часть нашей группы, собравшись, после небурных дебатов выбрала виночерпия – лицо, которое должно всегда носить стакан в портфеле, критерием отбора служила регулярность посещения занятий – выбрали меня. Я таскал этот стакан в портфеле пять лет, портфель мой и, соответственно, все бумаги, которые туда попадали, приобретали запахи, ароматы всех напитков, которые мы употребляли в течение всех лет обучения. По окончании каждого курса Борис забирал его у меня, гравировал на коническом колечке год обучения и даты, а затем возвращал мне, и я продолжал его таскать в портфеле. После последней сессии он взял выгравировать последние цифры, и стаканчик остался у него. А я не в претензии, конечно, мне бы было приятно хранить на полке в библиотеке столь такую раритетную для нас вещь, но Борис, пожалуй, был самым достойным кандидатом на пост хранителя предмета, который содержит в себе воспоминания о наших весёлых минутах, поскольку ему пришлось, пожалуй, труднее всех. Поступить на вечернее отделение в тридцать пять лет, проучиться шесть лет, не отстать ни на год – это не удалось и многим из молодых в нашей группе.

Когда прошла эйфория от появления в доме сына и сданных экзаменов, меня накрыли жуткая усталость и депрессуха – навыки обучения пропали, поэтому на учёбу я тратил гораздо больше усилий, чем человек подготовленный. Вот тут-то к нам заскочил Юрка Березин и предложил мне пойти с ним и его знакомыми в турпоход в Карпаты. Людмиле идти было невозможно – кормящая мать, да и физически она ещё вряд ли была готова, после родов прошло полтора месяца, но она, – шутя, конечно, – сказала:

– А меня возьмёте? Я тоже в поход хочу.

Юра взглянул на её располневшую фигурку, усталое, измученное ночными бдениями лицо и тоже пошутил:

– Ну, тебя только если для смеха.

Шутка не получилась, а если получилась, то очень двусмысленная. Во всяком случае, Мила хотя не подала вида, но очень обиделась на него и припоминает мне эту его шутку всегда, когда я вспоминаю Юрку. А тогда мне очень хотелось сбросить с себя годичный груз моей усталости, и я спросил её:

– Мил, ну как?

И добрейшая и нежнейшая душа моя сказала:

– Иди, конечно, тебе надо отдохнуть.

Её доброта, любовь и терпение – это тот самый цемент, склеивший, казалось бы, двух абсолютно разных людей в союз, длящийся полвека.

На работе я договорился об отпуске, получил отпускные.

Юрка сообщил, что всего нас должно идти человек восемь: три пары и мы с ним, Юркина жена от участия в походе отказалась. Планировалось на поезде доехать до Львова, оттуда на электричке до Ужгорода, далее по Лесистым Карпатам – всё выглядело очень красиво.

Группа должна была встретиться в урочный день и час на перроне Киевского вокзала у первого вагона поезда, билеты каждый должен был брать себе сам, также каждый должен был взять студенческий билет, если таковой у него был.

Недели через две я сложил в свой старенький рюкзачок своё походное барахлишко, стальной котелок, кружку и прочий нехитрый походный скарб, взял Филькин приёмник «Альпинист», гитару, расцеловал свою ненаглядную, чмокнул в румяный носик мирно посапывающего сына, распахнул дверь и увидел стоящего на пороге Кольку Пятакова – он вернулся из армии.

Я быстренько растолковал ему, что и как, и предложил пойти с нами, он отказался, по сути, вполне резонно – походов всяких ему в армии вполне хватило, но поехал проводить

меня до вокзала. На перроне я с удивлением обнаружил только сидящих на рюкзаках Юрку с девушкой. Время до отхода поезда ещё было – минут тридцать, я поинтересовался у него:

– Народ-то не опоздает?

И с удивлением узнал, что больше никого не будет.

Тем не менее у нас был уже настрой, решили: им же хуже, не отменять же поездку. Юрка взял билеты и побежал к начальнику поезда, договорился разместить нас в одном купе, я простился с Коляном, и мы покатали во Львов. Ехали весело, Юрка прихватил пару бутылок водочки, у всех было чего поклевать, набрались изрядно – помнится, я декламировал «Чёрный человек» Есенина в коридоре.

Утром перед приездом во Львов, Юра, раскрыв свой рюкзак и извлекая оттуда автомобильные запчасти – узлы и детали, – деловито предложил мне:

– Давай часть к тебе в рюкзак сложим, а то мне немоготу такой рюкзак тащить.

Подобрав свою челюсть с пола, я поинтересовался:

– На кой хрен ты этого ржавого железа набрал, это мы что, ноги тренировать собрались или спины?

Юрок, снисходительно глядя на меня, сообщил:

– Ну ты чайник, да у них там цена на всё это железо втрое, по сравнению с Москвой.

– Так у нас тур торговый, будем ходить по дворам, амортизаторы предлагать?

Он сбавил пафос и сказал:

– Да, понимаешь, жена упёрлась и денег на поход мне ни копейки не дала, все спрятала где-то. А у меня дядька в автомастерской, набрал у него дефицитного железа, оно не новое, но всё рабочее. Загоним – деньги появятся, ещё погуляем от пуза.

Праздник наш потускнел, но обратного хода уже не было. Мы с ним поделили его железо по весу, ему поболее, мне поменьше – Юрка был и повыше, и покрепче. По сути, это был его геморрой, но не бросать же кореша – я сложил к себе в рюкзак часть его стального хлама, забрал ещё у него палатку, пристегнул её под клапан рюкзака, и мы вышли на перрон.

Первым делом Юрка пошёл в справочную и узнал, где поблизости находится общежитие какого-нибудь технического вуза, нам дали адрес общежития, если мне не изменяет память, Львовского политехнического института. Ехать надо было на трамвае, располагалось общежитие довольно далеко, и по дороге Юрок объяснил нам свой план: денег у нас мало по его вине, и он берёт на себя организацию различных схем нашей жизни, которые позволят нам сэкономить. Так, сейчас мы едем в общежитие института, где он договорится о нашем бесплатном проживании.

Прошлая его комсомольская работа и собственные таланты развили в нём способность уболтать почти любого, так что надежда была. Приехав в общежитие, мы направились к коменданту, к счастью, она была на месте. Юраша с порога с апломбом объяснил ей, что мы собой являем группу московских студентов, которая явилась с дружеским визитом к студентам Львовским, витийствовал о массе возможных мероприятий, необыкновенной пользе для львовян, которую принесёт наш визит, ещё о чём-то. Выслушав его горячую речь, комендант – он оказался милой женщиной лет сорока пяти – пятидесяти – поинтересовалась:

– А у вас есть письмо или другой какой-нибудь документ, подтверждающий цели вашего визита?

Такой подлянки от провинциальной комендантши Юрок явно не ждал. Офигеть, сидит тут, понимаешь, умничает, но не растерялся и сообщил, что письмо идёт почтой, ибо такой важный документ рискованно было везти с собой. Она откинулась на спинку стула и, разглядывая нашего трибуна с явным недоверием, поинтересовалась:

– Ну, хорошо, ну хоть что-то у вас имеется?

Конечно, – у нас имелись паспорта и студенческие билеты. Рассмотрев наши билеты, комендант сказала:

– Ну, ладно, но ведь нет никого, студенты все на каникулы разъехались.

– Как никого? А летний штаб бюро ВЛКСМ? Кто же координирует работу комсомольского оперотряда и городского строительного отряда? С кем же мы будем обмениваться опытом?

Тут Юрок явно пережал, в его голосе было столько отчаяния, что даже я – человек крайне заинтересованный в его успехе – не поверил, не поверила и комендантша, она явно нас про считала:

– Нет у нас никого и ничего такого. Так что же вы от меня хотите?

– Вы понимаете, мы думали на время работы с вашим активом в вашем общежитии остановиться и гостиницу не заказали.

При этих словах Юрка состроил такую благодетельную рожу, что меня стал разбирать дикий смех, и я, чтобы не заржать, выдохнул из себя весь воздух и закаменел, боясь пошевелиться.

Комендантша хотя и убедилась в правильности своих предположений, но оказалась женщиной сердечной, пожалела трёх московских прохвостов.

– Давайте паспорта.

Заперев наши паспорта в здоровенный железный шкаф, она сказала:

Трое суток, не больше, ночевать все трое будете в одной палате, на этаже два туалета, всё бельё на дезинфекции – спать будете прямо на матрацах, являться в общежитие до девяти вечера, опоздаете – будете ночевать на улице, отпирать этаж будут в девять утра. Соберётесь уехать раньше – я в этом кабинете каждый день с девяти до пяти вечера. Всё, пошли, сторожу вас представлю.

Напугала – спать без белья, мы ж в турпоходе.

Два с половиной дня мы провели в этом старинном, прекрасном, настоящем западном городе, мне он очень понравился. Я впервые был во Львове – хорошо звучит, как бы в остальных городах союза я-то уж бывал частенько. Увы, нигде, кроме Крыма, до этой поездки я не был. Ходили, глядели на это удивительное смешение архитектурных стилей, разглядывая то ли барокко, то ли рококо, не очень понимая, где тут ренессанс или готика, да и не важно. Башка напитывалась совершенно другой информацией, чем та, которая вливалась в неё в течение года, усталость и депрессия мои испарялись потихонечку. Мне было наплевать на то, что спать приходится на матрасе, брошенном на дикую панцирную сетку, как-то, набродившись по городу, мы довольствовались на обед здоровенной паляницей и восьмисотграммовой банкой баклажанной икры: распластали хлеб на куски, намазали икру и стрескали на парковой скамейке. Впрочем, деньги тогда у нас ещё были, но было неважно, захотели так и были счастливы. Помнится, во Львове нам очень понравились двери, и не какие-нибудь музейные или двери важных учреждений – такие двери обычно красивы в любом городе, нет, все двери: жилых домов, магазинов и контор, совершенно старых развалюх и домов, явно отреставрированных, хотя таких было немного, зданий и в центре, и на окраине, все двери в городе были или новые, или отремонтированы, или отреставрированы, и всё это придавало всему городу в целом какой-то нарядный вид.

Город выглядел как немолодой человек, одетый в очень старомодную ветхую одежду, поношенную и где-то потерпевшую урон, но чистую, тщательно выглаженную, местами заштопанную, при этом так умело, что этого практически не видно. И это вызывало уважение, как вызывает уважение, когда человек следит за собой в любом возрасте. Ощущалось, что горожане любят и уважают свой город и следят за его состоянием настолько, насколько им позволяет их карман – городской бюджет.

В первый же день мы скинулись на питание и общие дорожные расходы, Юрка достал всю свою наличность, предложил нам добавить по столько же, что мы и сделали, доверив ему распорядиться кассой.

Часть нашего времени заняли попытки загнать часть Юркиного ржавого железа, все попытки были неудачными, железо не хотели брать никак, ни за какую цену, даже в подарок. Юрок не унывал, говорил:

– Алек ты пойми, Львов – это же большой город, отъедем в глубинку – там очередь стоять будет.

Может быть, но задарма-то что ж не взять? Хотя кто их поймёт, автолюбителей.

На третий день мы вручили нашему доброму коменданту букетик цветов, воровским образом нарванных нами на какой-то запущенной лужайке, сердечно поблагодарили за гостеприимство, получили свои паспорта. Поинтересовались у неё относительно такого хорошего состояния дверей, и оказалось, что в городе, стараниями его главы была реализована программа, в соответствии с которой были приведены в порядок все двери. Очень толковое решение, понятно, что на всё денег всегда не хватает, тогда сделай то, на что хватит. Тепло попрощавшись, мы убыли в Ужгород.

Ехали ночным поездом, помнится, что места там были только сидячие, как в экспрессе «Москва – Ленинград», с той разницей, что наш поезд тащился еле-еле, как паршивый кобель, останавливался у каждого куста. Впрочем, нам было наплевать – мы заснули, едва усевшись в кресла, и проснулись в Ужгороде.

По приезду перекусив в какой-то забегаловке недалеко от вокзала, используя в качестве навигатора «язык», тот самый, который доведёт до Киева, нашли в гаражах на окраине автомастерскую, занимающуюся ремонтом машин, и предложили свой автохлам, увы – железо наше и здесь никому не глянулось. Все автомастера дружно нас убеждали, что такой мусор никто и никогда не купит, поскольку сама работа по замене весьма дорога, и какой тогда смысл менять одно старьё на другое, если вскорости придётся менять снова – больше потеряешь на работе. Лукавый заход Юрка купить за полцены, чисто так, для налаживания партнёрских отношений, был со смехом отвергнут. Огорчённые таким невезением, мы поинтересовались у трюдаг:

– Отцы, а где у вас пивка холоденького испить коробейникам можно?

Отцы оживились, дружно бросили свою вялотекущую работу и гурьбой пошли нас провозжать, шутка ли, московские гости – коробейники, вдруг в следующий раз что-нибудь путного притащат, а не такое говно, выйдя за ворота гаражей, показали нам узенькую тропинку и сказали:

– Идти по ний намет з пивом. Холодного не обицяемо, але свиже точно буде.

И что ж тут не понять, на одному мовоу размовляемо. Один народ, тильки трохи заблукали вони.

Путь явно вёл в никуда, впереди синели только верхушки гор, но не доверять людям, которые явно от чистого сердца показали нам маршрут, было западло, и мы с полчаса пёрлись со своими стопудовыми рюкзаками. Когда появилось желание изматерить эту долбаную жару, эту долбаную тропинку, эти рюкзаки с этим долбаным железом, Юрка, нашу спутницу и, главное, самого себя за то, что повёлся на такой дикий развод, на горизонте показалась какая-то будочка. Дотащившись до неё, мы увидели стандартную советскую пивную палаточку с заветным краником в окошке. Оказалось, что из краника можно налить чешское великолепное свежайшее пиво «Старопрамен» – тёплое как зараза, впрочем, после третьей кружки это стало неважным, а после пятой стало понятно, что неважно вообще всё, и идти никуда не нужно, а нужно расположиться табором возле этой славной палаточки, пить пиво, ни о чём не думать, засыпать и просыпаться около неё, лежать на спине, бездумно раскинув руки, глядя в голубой небосвод. Жара стала спадать, и появилась необходимость найти невдалеке уютный сортирчик или хотя бы кустики какие-то, пришло осознание – мы ж туристы, и, взгромоздив на спины наши неподъёмные рюкзаки, мы двинулись в направлении манящих нас своими зелёными макушками гор. По словам торговца чудесным пенистым напитком, следуя прямо, мы неизбежно упрёмся в берег реки под названием Уж, что вскорости и произошло.

Кстати, славный пеннистый напиток, оказывается, поставлялся регулярно прямым из Чехословакии, вот же умеют устраиваться люди.

Подойдя к реке, свернули, шли какое-то время вдоль берега и нашли чудесное место для лагеря: небольшая заводь с пологим входом в воду и небольшим пляжем, закрытая со всех сторон подлеском и густым кустарником. Разбили лагерь: поставили палатку, разожгли костерок, поставили вариться кашу с тушёнкой – однако и поужинать надо, выкопали яму для мусора и подальше в кустах яму для отправления естественных надобностей. Залезли в реку, отмылись до скрипа, поплескались, поужинали и заснули как убитые.

На следующий день после завтрака решили отдохнуть на этом месте где-то день – другой и затем приступить к цели нашей поездки, коей являлась отнюдь не продажа старого автомобильного хлама, а то, что называется турпоходом – пешеходный маршрут по увлекательным местам. Юрок извлёк из рюкзака откуда-то добытую карту Закарпатья, стали прикидывать, где мы примерно находимся и где нам надо побывать, пофантазировали и пошли купаться и загорать, а куда спешить? Впереди почти что целый месяц.

Утром следующего дня или через день наше уединение нарушили трое местных ребят: два парня и девушка примерно нашего возраста, услышали, что кто-то за кустами бренчит на гитаре – я с утра решил взять пару аккордов из тех трёх, что я знал. Посидели, поболтали, мы угостили их чаем из своих кружек, они были вполне приветливы, а уж мы-то тем паче.

Всё то время, что мы находились в лагере, наша спутница, взявшая на себя труд приведения в порядок всех чашек и ложек после скоротечных наших застолий, мыла их в речке прямо у нас под носом. Процедура была проста: разувалась, входила по колено в воду, брала со дна реки в руку горсть песка, стирала песком и водой остатки пищи, споласкивала в воде и бросала в траву на бережок. Делала она это всегда в одном месте, и скоро там собралась вся плотва или что-то другое мелкое, что плавает в быстрых карпатских речках, мы, признаться, на всё это внимания не обратили, да и если бы обратили, что толку – приспособы никакой для рыбной ловли, как я полагал, у нас не было.

Но этой самой ловлей увлекался один из наших гостей, он, видно, по привычке, ходил и что-то высматривал вдоль берега, потом возбуждённый примчался к нам, уселся на бревнышко, извлёк из заднего кармана завернутую в бумагу картонку, на которой была намотана леска с разнообразными крючками и поплавками, срезал в кустах упругий прутик, в итоге минут за двадцать этой возни соорудил себе удочку, с которой расположился на берегу, в аккурат над тем местом, где полоскалась наша посуда. Не помню, что он нанизывал на крючок и нанизывал ли что-нибудь вообще, но рыбалка у него пошла с какой-то необыкновенной скоростью. К тому моменту, когда мы собрались покидать наш лагерь, у него было рыбёшек двадцать или чуть больше размером от десяти до пятнадцати сантиметров, которых он еле успевал нанизывать на самодельный кулан из ивового прута.

В разговоре мы поинтересовались, где здесь поблизости винный магазин, неплохо было бы купить пару бутылочек вина, выпить за наше приятное знакомство, они расхохотались и объяснили, что вино в магазинах, конечно, продадут, но кто же вино покупает в магазине? Их ход мысли нам понравился, и мы поинтересовались: «А где же вино нужно покупать?» После непродолжительной, но бурной дискуссии наши гости пришли к выводу, что вино надо покупать у Вароши, после чего поднялись и сказали:

– Пойдёмте, мы вам покажем.

Голому собраться – только подпоясаться, мы поднялись, взяли деньги, документы и отправились, надо было посмотреть и Ужгород. Это оказался славный городок, они нам что-то показали и рассказали; по дороге мы зашли к нашей гостье, и она презентовала нам пустую пятилитровую банку в авоське, объяснив, что без такого атрибута являться к Вароши бессмысленно. Мы ещё побродили по городу, а в конце нашей импровизированной экскурсии они подвели нас к калитке в высоком глухом заборе, пояснив:

– Постучите, вам откроет высокий старик, скажете, что вы от... – и они назвали какую-то фамилию, – дальше объясните, чего вы хотите.

Мило распрощавшись, мы постучали в калитку, минут через пять её открыл какой-то высокий старик, мрачно взглянув на нас, он поинтересовался:

– Чего надо?

Мы, назвав фамилию-пароль, сообщили о цели визита, старик, поочередно протягивая широченную, как лопата, ладонь, поздоровался, представляясь при каждом рукопожатии:

– Товарищ Вароши, – затем развернулся и, ничего не говоря, пошёл вглубь участка. Поняв это как приглашение войти, мы последовали за ним. Оглядываясь вокруг, я увидел на лужайке гору аккуратно сложенных деревянных пустых бочек ёмкостью литров по двести, удивился масштабу производства, мы переглянулись, мол, по адресу пришли. Старик молча дошёл до входа в землянку, спустился по ступенькам, открыл дверь и пропал из виду, мы стояли, не решаясь зайти без приглашения. Он выглянул из двери и махнул нам рукой, приглашая внутрь.

Землянка оказалась погребом, слева и справа от прохода на стеллажах стояли в два ряда те же самые огромные бочки, и где они заканчивались, невозможно было разглядеть, казалось, что погреб бесконечен, тусклые лампочки под потолком мало помогали в определении размеров этого хранилища. Я почувствовал какую-то неловкость – тоже покупатель, явились не запылились с пятилитровым напёрстком, но товарищ Вароши был невозмутим, указав рукой на стоящий при входе длинный стол со скамейками, скрылся в глубинах своей сокровищницы и появился вскоре с неравнобокой фанеркой, на которой стояли три разнокалиберные стеклянные посуды, наполненные белым вином. Поставив свой импровизированный поднос перед нами, он стал внимательно наблюдать за нашими действиями, мы выпили. Это было сухое вино, поскольку я в те годы всем алкогольным напиткам предпочитал водку и яичный ликёр, то что-то вразумительное сказать о предлагаемом не мог, но выпил с видом знатока, сидел, причмокивая, давая понять, что да – хорошее, но-де пивали-то и получше. Реакция моих друзей тоже была неопределённой, товарищ Вароши хладнокровно забрал фанерку с рюмками и опять скрылся в недрах своего хранилища – остановились в итоге на четвёртом варианте, просто стало неудобным морочить голову старику. За залитую под край пятилитровую банку с нас взяли где-то рубля три с копейками.

Покидая после столь удачной для нас сделки усадьбу товарища Вароши, мы обратили внимание на старое огромное абрикосовое дерево, усыпанное осыпающимися плодами. Юрка сунул руку в карман, выгреб оттуда оставшийся полтинник и спросил:

– У нас ещё полтинник остался, можно мы у Вас на полтинничек ещё абрикосиков возьмём?

– Конечно, берите.

– А сколько?

– Да вы кладите, я скажу, когда хватит.

Другой тары, кроме подаренной нам авоськи, у нас не было, поэтому из неё была бережно извлечена и передана мне на ответственное хранение банка с вином, а в авоську Юрка с Надей, так звали нашу спутницу, стали бережно – из-за их переспелости – складывать абрикосы, иногда поглядывая на хозяина, но товарищ Вароши наблюдал за их действиями флегматично и равнодушно. Когда укладываемые абрикосы стали скатываться из раздувшейся бочонком сетки, он сказал:

– Хватит.

Проводил нас до калитки и так же попрощался с каждым, протягивая и бережно пожимая наши цыплячьи лапки своей огромной натруженной крестьянской рукой.

Впоследствии нам объяснили, чем вызвана некоторая нелюбезность к нам людей старшего возраста: «А не хрен по городу в трусах ходить, тоже москвичи, в Москве у себя так расхаживайте, а у нас так не принято». Но мы всё равно перемещались в шортах, справедливости

ном. Чуть ниже середины располагалось небольшое крестьянское хозяйство – дом с постройками. Место и открывающиеся виды на долину так нам понравились, что мы решили задержаться тут на денёк – другой. Сказано – сделано, место для палатки было найти непросто, пришлось ставить её на площадке с уклоном метрах в пятидесяти от сельского подворья. Соорудили костерок, набрали чистой водички из ручья, поставили вариться вермишель с последней банкой тушёнки. Сидели у костра, увидели, что к нам от дома идёт парень лет тридцати. Подошёл, поздоровался, представился – Назар – это был сын хозяина усадьбы, осведомился, кто мы, откуда. Рассказали, что мы туристы из Москвы, остановились на денёк – другой, поинтересовались, не доставим ли мы им неудобства. Назар ответил:

– Ваша справа, живить соби, скільки хочете.

Затем посмотрел на нашу готовку и спросил:

– Воду в струмку брали?

Глянул на наши недоумевающие лица и сказал:

– В ручье?

– Да.

– Вона в принципі чиста, але ми в іншому місці, пішли покажу.

Он двинулся в лес, мы втроём двинулись вслед за ним, шагов через пятнадцать он подвёл нас к вертикальной скальной стенке, в которой была ниша метровой ширины и высоты, подойдя вплотную, увидели, что в нише имеется природная ванна, которая наполнялась водой через трещины в скале. Вода показалась нам удивительно вкусной.

За обедом, переходящим в ужин, обсудили дальнейшие планы, бизнесмену нашему стало ясно, что таскать на своём горбу никому не нужное железо по лесу – затея так себе, решили завтра отбыть в Мукачево, где попытаться ещё раз и в случае неудачи распрощаться с ним.

Ночью пошёл дождь, который строго указал, что нарушение правил установки палатки чревато – по дну палатки вода лилась потоком. А что сделаешь? Потоки воды со склона были таковы, что хилую канавку по периметру палатки, которую я с трудом расковырял в дернине на скальном грунте, вода попросту перепрыгнула. Хорошо много натаскали много сучьев для костра, переместили их палатку, сложили в три слоя, получился относительно сухой настил, просидели на нём в полудрёме до утра.

Утром зашёл Назар.

– Добрий дощик був, вас не змило?

И, глядя на наши усталые не выспавшиеся лица, произнёс:

– А що ж не постукали, розмистили б вас в синному сараї.

В голосе его звучало неподдельное сочувствие.

Утро было чудесное, Назар нас заверил, что дождя не будет, мы попили чайку, разложили на солнце барахлишко для просушки, подняли дно палатки для тех же целей.

Я прилег в тени на травку, наблюдал, как Юрка ходил к дому и о чём-то беседовал с Назаром, потом они вместе глядели в ручей, потом у Юрки появилась рыболовная снасть, проснулся от громкого разговора – Юрка песочил Надьку, как я понял, он поручил ей сварить уху, а она, не зная тонкостей приготовления, выкинула головы и плавники, и теперь уха безнадёжно испорчена.

Когда я поёдал через час вполне приличный рыбный супчик, который сварила Надежда, мне рассказали, что я проспал море интересных событий: во-первых, поскольку Надька мыла посуду по той же технологии, как и в Ужгороде, остатки нашей лапши на дне ручья спровоцировали наплыв в ручей стаи мелких рыбёшек; во-вторых, Юрка, попросив у Назара снасть, наловил треть здорового котелка этих рыбок, остальное – про то, что Надька сплеховала с ухой, – я уже слышал. Сняться с лагеря мы решили на следующее утро.

На железнодорожной станции Юрка заявил:

– Денег мало, едем до Мукачево, но билеты берём до ближайшей станции.

– Так ссадят же контролёры.

– Во-первых, контролёры не каждую электричку шмонают; во-вторых, не ссадят, я их уболтаю; а в-третьих, если ссадят, сядем на следующую и доедем.

Мы так и поступили – взяли билеты до ближайшей остановки, сели в электричку и доехали на ней до Мукачево. И в самом деле – контролёры шерстили не все электрички.

Сойдя с электрички, первым делом навели справки, где тут торгуют автозапчастями, на нашу удачу, торговали на рынке, который находился относительно недалеко. Увы, и здесь нас ждала неудача, моё предложение выкинуть весь автохлам прямо на рынке Юрка отверг, ему хотелось пафоса, и мы отправились к Латорице, речке, протекающей через город, где Юрка с озверением начал метать запчасти в водную гладь. Наверно, такое же выражение лица было у отца Фёдора из романа Ильфа и Петрова, когда он понял, что бриллиантов в стульях, за которыми он охотился по всей стране, нет. Но на жемчужину своего заглавника – генератор – рука у него не поднялась, и самом деле, такая вещь. Да там одной меди на две поллитры, и что ж, её тоже, что ли, в воду? Покрутил в руках и сунул снова к себе в рюкзак.

Вернувшись на вокзал, мы сдали рюкзаки в камеру хранения и отправились осматривать город, где, разглядывая какой-то полуразрушенный замок, столкнулись нос к носу с тем самым мужиком, с которым у Юры возникли тёрки в очереди за хлебом в Ужгороде. Мы вежливо поздоровались, мужик ответил не менее корректно, но выражения счастья от нашей встречи я на его лице не увидел.

Набродившись, чтобы не заморачиваться с готовкой, перекусили в какой-то недорогой столовке, забрали рюкзаки, дошлёпали до полянки около Латорицы, поставили палатку и завалились спать.

Утром нас разбудил шум проезжающих машин и разговоры проходящих людей, выбравшись из палатки, мы с удивлением обнаружили, что расположились в парке в черте города недалеко от какой-то довольно оживлённой дороги.

Собрались по-скорому и, не мудрствуя лукаво, отправились на вокзал, по апробированной схеме сели в электричку и укатили, если мне не изменяет память, в Хуст.

Нам немного не повезло, ссадили нас где-то на предпоследней остановке, мы, признаться, не шибко огорчились, немного размять кости тоже неплохо, двинули пешком в направлении города. По дороге, перейдя по мосту через какую-то речонку, спросил старушку на противоположной стороне:

– Как река называется?

– Река.

– Да я понимаю, что это река, а как она называется?

Старуха мне со смехом:

– Река.

Вот, думаю, до чего же тупой народ, то ли все хохлы такие тупые, то ли это бабка от старости совсем с глузду съехала, и ржёт как сивая кобыла.

– Бабуленька, это я понимаю, вот это река, – и указал рукой на реку, – а название у неё какое? Как речка-то называется?

Бабке уже плохо стало от хохота, стоит, согнулась и опять за своё:

– Река.

Я понял, старушка не в себе, добавил ходу, чтобы своих догнать, оглянулся на бабку, жива ли, а то так ржала, а не молоденькая уже, далеко ли до греха? Глянул, а на бережке указатель с надписью: река «Ріка», шкандыбаю и размышляю: бабка, наверно, думает: до чего тупые эти русские туристы – эта самая «Ріка» по-русски звучит «река». Жизнь.

Местечко для бивака выбрали отличное – на холме, вблизи деревьев, внизу река. Поставили палатку, с костерком решили повременить, очень хотелось окупиться – с этими электрич-

ками, походами немного записвели, решили помыться, постираться, искупаться, проветриться, отдохнуть у воды. Пошли в шортах, всё своё барахло мы всегда оставляли в палатке – кому оно нужно? Походные треники, какие-то запасные майки, рубашонки – не о чём говорить. А ходить везде с рюкзаком за плечами – это удовольствие не из приятных, и выглядеть будешь странновато. Но бумажник свой с документами и деньгами я, даже когда он был не нужен, в палатке не оставлял – или брал с собой, или прятал где-то рядом, вот и в этот раз взял, и засунул его под палатку с противоположной стороны поглубже. Подальше положишь – поближе возьмёшь. Юрка, глядя на мои действия, произнёс, поморщившись:

– Да тут не воруют, – однако остановился, почесал кончик носа и добавил: – А хрен её знает, – и тоже сунул свой кошелёк сбоку под палатку.

Наблюдавшая за нашими действиями Надежда безапелляционно произнесла:

– А я кошелёк всегда с собой ношу, – но, поглядев на нас, пошла и приховала свой кошелёк где-то в кустах

Накупались мы на славу, недалеко местная малышня лет десяти-двенадцати каталась в Тиссе как с горы. Технология была простая: заходили на мелководье, там, где воды было примерно по колено, ложились спиной вниз и ногами вперёд в воду, подкладывая себе под зад, для страховки от удара об камни, руки ладонками вниз, – вода тащила их по камням, как с горы на санках, когда они, пролетев мелководье, попадали на глубину, то просто переворачивались, подплывали к берегу, вылезали и возвращались к исходной точке. Мы отметили для себя участок, где плавали пацаны, было очевидно, что они его хорошо изучили и шанс пораниться об острые камни был невелик, и тоже пошли кататься. Надя благоразумно отказалась, а мы в компании, можно сказать, ровесников, если иметь в виду уровень интеллектуального развития, с дикими воплями носились по руслу Тиссы, вызывая радостный смех наших новообретённых друзей.

Вернувшись к палатке, увидели, что она распахнута, это показалось странным, мне представлялось, что мы, уходя, застегнули её на все застёжки, подошли, заглянув внутрь, я увидел, что в палатке всего два рюкзака. Быстро разобрались, что нет моего рюкзака, потом не обнаружили гитары и транзисторного приёмника, тут все как по команде метнулись за своими кошелками, слава богу, они были на месте, Надежда только в панике забыла, где спрятала свой, искали втроём – нашли.

В итоге из одежды у меня остались туристические ботинки, пара носков, рубашка с короткими рукавами – тогда такие называли теннисками, двое трусов, когда пошли купаться, взял чистые переодеться, шорты и один носовой платок. Не скажу, чтобы я сильно огорчился, жаль было гитары, с ней в походе, даже таком импровизированном, как у нас, как-то веселее, и приёмника – его Людмиле подарили родители на день рождения. Пропажа тряпья меня не расстроила, хотя понятно было, что это внесёт определённый дискомфорт в быт, котелки наши походные и кружки никому не понадобились – лежали у костра.

Было ещё светло, поэтому решили дойти до ближайшего отделения милиции и подать заявление, городок невелик, вдруг они всю свою шпану знают наперечёт.

Нас гоняли часа два по кругу, в каждом отделении утверждали, что место происшествия не их подведомственная территория, в итоге с боем в одном все согласились нас выслушать. Внимали нам трое звездноносных стража порядка, прослушав, велели составить список похищенного, точно указав размеры, цвета, фасоны, торговые марки, характерные детали и приметы всего украденного. Я пытался отбояриться, сказав «мне б только гитарку и приёмничек», но блюстители порядка замахали руками и велели писать всё, что так, мол, похитителей им будет найти проще. Пока я корпел над списком, служители закона витийствовали, первый задумчиво произнёс:

– Приёмник у нас не всплывёт, не дураки, отвезут в Ужгород или во Львов, так толкнут на рынке, тряпье – матери, на огороде будет ковыряться, а гитара недели через две заиграет, может, и зацепимся.

Я отвлёкся от своей писанины.

– Так я через две недели в Москве буду.

– А мы на твоё отделение милиции описание вышлем или приедешь сам, опознаешь.

Идея ехать через полстраны опознавать старенькую покоцанную семирублёвую шиховскую гитару показалась мне малопродуктивной, но я спорить не стал – детективы, они-то уж понимают, что и как.

Старший по званию нервно барражировал вокруг стола, периодически нагибался, облакачивался о стол, разворачивался грудью к слушателю, которым становился то я, то Юрка, и, отчаянно жестикулируя другой рукой, говорил горячо, на нерве:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.